

Математика поступка Елены Косиловой

Марков Александр Викторович¹, Штайн Оксана Александровна²

¹доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-6874-1073. SPIN-код: 2436-2520. E-mail: markovius@gmail.com

²кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0009-0004-1701-3147. SPIN-код: 1763-9290. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию философии математики Елены Владимировны Косиловой (1966–2025) в контексте феноменологии, герменевтики и постструктурализма. Основная цель работы – выявить связь между математическим познанием и этикой поступка, показав, как математические структуры конституируются в сознании, оставаясь укорененными в жизненном мире и исторических практиках. Авторы поставили перед собой следующие задачи: критически проанализировать позицию Косиловой в отношении новых онтологий; систематизировать ее взгляды на процессуальность сознания, демонстрируя, как математика становится областью, где этический поступок преодолевает формализм; показать, что, несмотря на критику постструктурализма, Косилова неявно сближается с его гуманитарной проблематикой. Методы исследования включают критическое чтение философских текстов Косиловой для выявления ее аргументов против новых онтологий; историко-философский анализ, раскрывающий влияние Гуссерля, Паточки и Деррида на ее концепцию; метафилософский подход, позволяющий рассмотреть ее идеи в контексте диалога между феноменологией, герменевтикой и деконструкцией. Косилова предлагает оригинальную философию математики, сочетающую феноменологический анализ сознания с аристотелевской онтологией формы и материи, где математика выступает как форма, а физический мир – как ее воплощение, подверженное «шуму». В отличие от крайнего платонизма (Мейясу) и конструктивизма, она рассматривает математику как динамическую структуру, возникающую в диалоге сознания и мира, что требует этики поступка – смелого мышления, преодолевающего формальные ограничения. Несмотря на критику постструктурализма, ее идеи оказываются близки к герменевтике Паточки (историчность математики) и деконструкции Деррида (проблематизация очевидности), особенно в анализе музыки как модели временного конституирования смысла. Ключевым вкладом Косиловой становится концепция, обозначенная авторами статьи как концепция «тонкого тела созерцания» – первичного поступка, соединяющего телесность восприятия с интеллектуальной интуицией, что позволяет преодолеть кризис математики как кризис поступков, а не просто интуиций.

Ключевые слова: феноменология математики, поступок, сознание, историчность, деконструкция, интуиция.

Введение. Феноменология, основанная Эдмундом Гуссерлем, и философия математики тесно связаны через исследование того, как сознание воспринимает, конструирует и осмысливает математические объекты. Если традиционная философия математики спорит о природе чисел и теорем (существуют ли они независимо от нас или являются человеческими изобретениями?), то феноменология смещает фокус на способ их данности – как они явлены нам в опыте и мышлении. Феноменология не дает окончательного ответа на вопрос «что такое математика?», но предлагает метод ее осмысления: анализируя, как она явлена в сознании. Таков путь между догматическим платонизмом и релятивистским конструктивизмом – математика здесь не просто открывается и не просто изобретается, но раскрывается в диалоге сознания и идеального мира.

В поздних работах (например, в «Начале геометрии» [2]) Гуссерль показывает, что математика возникает из жизненного мира (Lebenswelt) – повседневного опыта, где люди измеряют, считают и чертят линии. Но затем идеальные объекты «отрываются» от конкретных действий и становятся частью интерсубъективной традиции. Так, геометрия Евклида – не

просто набор аксиом, а смысловая структура, передаваемая через поколения и сохраняющая свою значимость.

Проблемой феноменология становится только тогда, когда сталкивается не с простой герменевтикой (которая как раз может вполне быть сведена к описанию ментальных конструирований) или разными формами трансцендентализма (Оскар Беккер как раз непротиворечиво соединил в понятии воображаемого доказательства феноменологию и трансцендентальную философию), но с герменевтикой поступка. Если поступок преодолевает существующую ситуацию условий нашего знания, то мы должны признать, что математические смыслы тоже принадлежат этой ситуации, а значит, укоренены в культуре. Поступок может вести к тому, что неевклидовы линии сходятся (пример Достоевского) [16], дважды два равно пяти [17] или корень из -1 может быть извлечен (пример Велимира Хлебникова) [15].

Напомним, что молодой М. М. Бахтин доказывал, что поступок (нравственный, эстетический, экзистенциальный) всегда уникален и конкретен, он не может быть полностью описан абстрактными правилами. Хотя математика формализована, Бахтин мог бы возразить, что само применение математики в тех же этических решениях – это уже поступок, выходящий за рамки формализма самой математики.

Ян Паточка (1907–1977), чешский философ и ученик Гуссерля, общественный деятель, собеседник Деррида, в своей философии математики соединил гуссерлевский анализ сознания с герменевтикой и историко-культурной перспективой [19; 20]. В отличие от Гуссерля, который делал акцент на трансцендентальном конституировании математических объектов, Паточка объяснил, как математика укоренена в жизненном мире и как ее идеальные структуры связаны с человеческой свободой и историчностью. Паточка предлагает свой путь аргументации: математика – выражение человеческой способности трансцендировать наличный мир, не теряя связи с его жизненными корнями. Математика для Паточки – живое движение человеческого сознания, укорененное в жизненном мире и одновременно трансцендирующее его.

Паточка начинает с критики «наивного объективизма» в математике, который рассматривает ее истины как существующие независимо от человека. Вслед за Гуссерлем он подчеркивает, что математические объекты конституируются в сознании, но идет дальше, показывая, как они возникают из конкретных практик жизненного мира – счета, измерения, построения форм. Числа и геометрические фигуры изначально не являются чистыми абстракциями; они рождаются в *телесном опыте*, в работе руки, чертящей линию, или в жесте, указывающем на множество предметов. Евклидова геометрия, например, не была «открыта» в готовом виде – она постепенно кристаллизовалась из землемерия, архитектуры, ремесла, пока не стала системой идеальных объектов.

Но математика для Паточки не есть лишь отражение практик. Она представляет собой *движение свободы*, в котором человек выходит за пределы наличного опыта и утверждает свою способность мыслить идеальное. Доказательство теоремы или введение новой аксиомы – не просто логическая операция, а акт творчества, прорыв к новым возможностям сознания. Открытие иррациональных чисел, например, стало не просто формальным достижением, а событием в истории мысли, где человек столкнулся с чем-то, что нельзя выразить в привычных рациональных структурах. В этом смысле математика для Паточки – это область, где свобода человека проявляется наиболее ярко: создавая новые математические миры, человек расширяет само пространство мыслимого.

Паточка сближает феноменологию с герменевтикой, показывая, что математические объекты – это не просто «данности», а смыслы, требующие интерпретации и зависящие от культурного контекста. Ноль, например, в древних культурах был не числом, а меткой пустоты [18]; лишь в индийской и арабской традиции он стал полноценным математическим объектом [3]. Античная и современная математика по-разному понимают «число», «пространство», «бесконечность» – и эти различия отражают изменения в самом способе человеческого бытия в мире.

В поздних работах Паточка связывает математику с более широкой проблемой «естественного мира». Он критикует современную науку за то, что она, вслед за Галилеем, превратила природу в математическую схему, забыв о ее изначальной данности в жизненном опыте. Формализация бесконечности у Кантора, например, абстрагируется от интуитивного понимания бесконечного как незавершаемого процесса. Для Паточки это часть общей тенденции, в которой техника и формальная рациональность вытесняют живое отношение к миру.

Проблема математического поступка в феноменологической перспективе получает неожиданное и глубокое развитие в работах Елены Владимировны Косиловой (1966–2025),

оригинального российского философа, чье творчество было посвящено ключевым вопросам философии сознания, познания и человеческой субъективности. Косилова, кандидат философских наук, на протяжении десятилетий вела активную исследовательскую и преподавательскую деятельность, выступая как мыслитель-синтетик, стремившийся преодолеть узкий профессионализм. Ее философский проект был сосредоточен на сознании как процессе, который одновременно является и когнитивным, и этическим, и телесным. Эта фундаментальная установка пронизывает все области ее интересов: от философии психиатрии («Психиатрия: опыт философского анализа»), где сознание анализируется как ответственность за собственную целостность, до философской антропологии («Бессилие. Опыт философской антропологии»), исследующей границы воли и действия, и, наконец, до философии математики и музыки. Именно в последних работах Косилова выстраивает свою версию феноменологии, где классический анализ интенциональности обогащается идеей «первичного поступка» познания – смелого акта усмотрения идеального, укорененного в особой телесной интуиции. Таким образом, ее философия математики не существует изолированно, а является логическим развитием и приложением ее общей концепции поступающего, ответственного сознания к области точных наук.

Методы. Многие статьи Е. В. Косиловой были написаны как полемические реплики, внутри дискуссий о природе сознания. Ее работы тесно связаны с ее деятельностью преподавателя и просветителя, и ни одна из статей не претендует на создание непротиворечивой философии математики. Косилова всегда ставит для себя вопрос, как это возможно, а не как это должно быть – остается вопрошающим философом и подчиняет модальности возможности проблематике философии сознания с целью обеспечить непротиворечивый философский аргумент.

В своем учебнике Косилова прямо отвергает идею Деррида о *различании*, видя в ней произвольный выбор фигуры и фона, игнорирующий взаимосвязь когнитивных операций [5, с. 47]. Мы покажем, что, хотя в философии сознания Косилова в целом следует критике постструктурализма за использование предпосылок гуманитарных наук, в реальной работе с проблемами философии математики она извлекает из постструктурализма необходимые этические уроки. В этом смысле Косилова создает вполне постструктуралистскую философию поступка.

Цель статьи – выявить потенциал философии Косиловой для обоснования философии поступка как связанной с философией математики. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) выявляются ограничения предпринятой Косиловой критики постструктурализма и новых онтологий, обусловленность этой критики феноменологией и философией сознания одновременно; 2) систематизируются аргументы Косиловой в пользу процессуальности сознания, которые, будучи систематизированы, утверждают возможность этического поступка даже при обращенности сознания ко вневременным (математическим) сущностям; 3) показывается, что, несмотря на отрицание Косиловой исходных предпосылок постструктурализма, она принимает его в той мере, в какой гуманитарный пафос (признание историчности жизненного мира) ее философии поступка совпадает с гуманитарными интересами постструктурализма.

Для решения этих задач применяются различные методы. Для решения первой задачи предпринято близкое чтение ключевых работ Косиловой по философии математики и философии сознания для выявления тех ходов мысли, которые связаны с размещением поступка, жизненного мира или опыта конструирования чего-либо внутри сознания относительно временного и вневременного. При этом показывается, что образ вневременного у Косиловой оказывается эффектом своеобразного различания. Метод на этом этапе можно назвать методом критического чтения философских источников, что необходимо для понимания критики со стороны Косиловой новых онтологий – иначе эта критика будет выглядеть как сводимая к частным возражениям. Далее на примере философии музыки Косиловой выявляется, как именно сознание понимается как процесс, как бы кодирующий себя в разных ипостасях, в том числе музыкальной, которая мыслится как универсальный код. Здесь критическое прочтение философии музыки показывает, что критика постструктурализма у Косиловой предпринята только с позиций философии сознания, но не с каких-либо еще позиций. Здесь применяется историко-философский метод, выявляющий генеалогию идей. Наконец, сравнение позиций Деррида (при трактовке которого мы опираемся на [12]), Паточки и Косиловой и, в частности, специфики работы Косиловой с наследием А. Ф. Лосева представля-

ет собой метод анализа философской работы как философского диалога, то есть своеобразный метафилософский метод, показывающий парадоксальную близость философии поступка Косиловой и философии постструктурализма.

Результаты. Ключевым для понимания философии математики Е. В. Косиловой является осознание того, что она не выстраивает ее в качестве отдельной, автономной дисциплины. Напротив, ее подход к математическому познанию формируется в рамках более широкого проекта философии сознания, в центре которого – идея сознания-как-поступка. Этот проект развивался ею в нескольких взаимосвязанных направлениях, которые образуют необходимый контекст для интерпретации ее взглядов на математику.

Во-первых, в работах, посвященных философии психиатрии и антропологии, Косилова последовательно отстаивает тезис о процессуальной и ответственной природе сознания. Здоровое сознание для нее – не пассивный регистратор данных, а активный агент, осуществляющий постоянную работу по синтезу, организации опыта и удержанию собственной идентичности. Эта работа трактуется ею не в психологическом, а в этико-феноменологическом ключе: человек несет ответственность за способ организации своего внутреннего мира. Психическое расстройство, в этой логике, предстает как сбой или отказ в осуществлении этого базового когнитивно-этического поступка. В работе «Бессилие» этот анализ углубляется: исследуя границы воли, Косилова выявляет условия, при которых подлинный акт – поступок в его экзистенциальной полноте – становится возможным или, напротив, блокируется. Таким образом, уже на этом уровне формируется ее понимание поступка как преодоления наличной ситуации (в том числе внутренней) через акт осмысления и самоопределения.

Во-вторых, эта антропологическая модель напрямую проецируется Косиловой на сферу познания вообще и математического познания в частности. В статье об экзистенциально-феноменологическом интеллекте она предлагает критерий аутентичности (подлинности) в качестве главной меры мыслительного акта. Интеллект понимается не как вычислительная мощь, а как способность к совершению подлинных, ответственных актов мышления, к которым относится и математическая интуиция, и принятие новой аксиомы, и борьба с сомнением. Именно здесь возникает мост к математике: математическое творчество для Косиловой – это высшая форма такого аутентичного интеллектуального поступка, где сознание вступает в диалог с идеальным, преодолевая формальные ограничения и «шум» эмпирического. Исходя из этой общей установки, обратимся теперь к непосредственному анализу ее работ по философии математики, чтобы увидеть, как концепция сознания-как-поступка конкретизируется в критике новых онтологий, в оригинальном синтезе феноменологии и аристотелизма и, наконец, в предлагаемом ею решении кризиса современной математической мысли.

Косилова выстраивает свою философию математики на основе критики новых онтологий. Так, специальная статья с критикой идей Квентина Мейясу [4] отвергает тезис этого спекулятивного реализма о совместимости контингентности физики с абсолютностью математики. Мейясу отвергает корреляционизм – идею, что познание всегда связано с субъектом, как у Канта, – и утверждает, что математика позволяет выйти к «вещи в себе», минуя человеческие когнитивные ограничения. Однако Косилова показывает, что если законы логики контингентны (случайны, как утверждает Мейясу), то и математика не может быть абсолютно надежной, поскольку она опирается на логические структуры. Кроме того, если физические законы случайны, а математика неизменна, возникает проблема их согласования: многие физические законы (например, гравитация) тесно связаны с математическими структурами (геометрией пространства). Антикорреляционизм Мейясу, утверждает Косилова, не до конца опровергает кантовский трансцендентализм, поскольку математика все равно остается человеческим конструктом. Вопрос о связи математики и физики, согласно Косиловой, требует более глубокого анализа, особенно в контексте современной науки (квантовая механика, теория струн и др.). Тем самым Косилова по сути, не видит в философии Мейясу возможности поступка, который и ведет к научным открытиям. Этот поступок и согласует данные нашего сознания и законы: первые требуют этики самосознания, а вторые – этики признания, и, хотя Косилова прямо не говорит об этике, она имеет в виду именно это.

Расхождение Косиловой с Мейясу появляется именно там, где нужна этика признания, этика признания того, что мир каким-то образом устроен и допускает неkontингентные следствия поступков, которые не с нас начинались. А для этого нужна философия математики, которая для Косиловой и есть феноменология поступков, не нами начатых – мы не можем сказать, кто поступил так, что математические законы заработали. Мейясу плох не тем, что он нас-

ледует постструктурализму и спекулятивному реализму, но тем, что он не дает четкого ответа, какая философия математики лежит в основе его теории. Платонизм? Но он материалист. Формализм? Но тогда математика лишь игра символов, а не описание реальности. Неопифагореизм? Мейясу отрицает это, но его идеи близки к мысли, что «мир устроен математически». Косилова в ответ обращает внимание на идею Гильберта и Вигнера о «предустановленной гармонии» между математикой и физикой. Математика не просто описывает реальность, но часто предсказывает физические явления (как в случае с теорией относительности Эйнштейна). Если математика абсолютна, а физика контингентна, то как объяснить эту гармонию?

Мейясу считает, что современная формальная математика выходит за рамки кантовского созерцания. Но Косилова возражает: даже формальные системы создаются людьми и остаются в пределах человеческого разума. Математика преодолевает конкретные ограничения Канта, но не трансцендентальные вообще. Мейясу утверждает, что наука (особенно математика) может познавать «археископаемое» – реальность до появления человека. Однако, если физические законы контингентны, как мы можем быть уверены, что они не менялись в прошлом? Радиоуглеродный анализ и другие методы опираются на нынешние законы физики, но если они случайны, экстраполяция в прошлое ненадежна. Если первое возражение укоренено как раз в чем-то вроде различия Деррида, где человеческий разум может создать систему не через считывание данных внешнего мира, но только через первичный акт отличия своей субъективности от прежде пережитых субъективностей, то второе возражение напоминает об историчности математики Яна Паточки, хотя Косилова Паточку не упоминает. Второе возражение кажется не вполне надежным, потому что любой философ-феноменолог мог бы на это возразить, что радиоуглеродный анализ принадлежит универсуму науки, а не универсуму нашего знания Другого. Внутри споров о сознании в аналитической философии это возражение просто теряет смысл, и оно имеет смысл только в феноменологической традиции.

В следующей статье [6] Косилова как раз приносит присягу на верность феноменологической традиции. Косилова противопоставляет свою позицию новым онтологиям, критикуя крайний реализм Мейясу, Тегмарка и Пенроуза за гипостазирование математики в духе платонизма. В противовес этому она предлагает умеренный реализм, учитывающий роль человеческого сознания в математическом познании (в традиции Гуссерля) и подчеркивающий динамическую связь между математическими структурами и физической реальностью, а не их жесткое тождество.

Однако Косилова не ограничивается критикой нового пифагореизма, а предлагает собственную альтернативу, опираясь на аристотелевскую онтологию формы и материи. В ее интерпретации математика выступает как форма, а физический мир – как ее материальное воплощение. Важное место в ее программе занимает феноменологический подход, согласно которому математика не просто описывает реальность, но конституирует ее через структуры сознания. Это приводит к идее тождества бытия и мышления: математика становится точкой, где человеческое познание совпадает с устройством мира.

При этом Косилова не отвергает полностью идеи нового пифагореизма, соглашаясь с тем, что мир устроен математически. Однако она уточняет эту концепцию: математика, по ее выводам, не существует отдельно от мира, как у Платона, а встроена в него, как у Аристотеля. Материя вносит «шум» в математические законы, что объясняет неточности физических моделей, а время и причинность трактуются как свойства материального мира, а не чистой математики. Но здесь получается интересная вещь: ведь само понятие шума подразумевает историчность, временность, не просто физику, но определенную способность как раз математически отнестись к физическим данностям. С точки зрения чистой онтологии формы и материи никакого шума нет – Аристотель бы отнес его по ведомости уродства или какого-то частного наблюдаемого (исторического) явления в природе. Если же мы говорим о шуме как о некотором всеобщем факторе, мы уже не стоим на позиции аристотелизма – а оказываемся близки различанию как фактору математического действия, объясняющего шум как часть поступка, как необходимое сопровождение ломки привычных законов, когда время и причинность подтверждают и принимают наш поступок, ведь если в материальном мире господствует шум, то время и причинность не могут быть просто факторами его развития, а как раз служат этическому принятию другого во всей его телесной данности. Это уже ближе к Деррида с его телесностью различания, чем к Аристотелю.

Наконец, в третьей своей программной статье [7] Косилова как раз говорит о кризисе интуитивного (созерцательного) основания математики и торжестве сомнения, ведущего к ее

формализации, конструктивизму и даже фикционализму. Хотя Косилова не упоминает напрямую ни Яна Паточку, ни Жака Деррида, ее анализ содержит важные параллели с их идеями, а также предлагает новую перспективу для проблемы обоснования математики. Паточка, как и Косилова, подчеркивает, что математика укоренена в жизненном мире и исторических практиках. Для него математические объекты не существуют в «чистом» платоническом мире – они возникают из человеческой деятельности (счета, измерения, конструирования) и сохраняются через intersubjectивную традицию. Косилова в статье описывает, по сути, аналогичный процесс: от античной *theoria* (умозрения у Платона) до современной формализации, где математика теряет связь с интуицией и становится «игрой по произвольным правилам». Оба автора сходятся в том, что математика изначально была связана с практическим опытом (у Паточки – жизненный мир, у Косиловой – «реактивация смысла» у Гуссерля) и ее абстрактные формы – результат исторического развития, а не данность. Однако если Паточка видит в математике экзистенциальный проект свободы, то Косилова скорее констатирует ее дегуманизацию и здесь как раз оказывается близка критическому пафосу Деррида, на которого не ссылается.

И Паточка [19], и Деррида [2] отвергают представление о математике как о царстве абсолютной самостождественности, где объекты даны сознанию в «чистой» форме, вне опосредований. Паточка показывает, что даже самые абстрактные математические понятия возникают из жизненного мира – они неотделимы от телесных практик (черчение линий, счет), исторических контекстов и intersubjectивной коммуникации. Например, геометрическая аксиома – не вневременная истина, а результат длительного процесса кристаллизации смыслов.

Деррида в комментариях к Гуссерлю идет дальше: он утверждает, что сама «идеальность» математического объекта возможна только благодаря письму как структуре, сохраняющей смысл в отсутствие интенции. Число или теорема существуют лишь постольку, поскольку могут быть записаны и повторены в новых контекстах – но это значит, что они всегда несут в себе следы различия и отсрочки (*différance*).

Оба мыслителя подчеркивают, что математика не существует вне времени, но понимают эту временность по-разному. Для Паточки математика исторична в герменевтическом смысле: ее истины раскрываются в диалоге традиций, где каждое поколение заново осмысляет идеальные объекты. Например, понятие бесконечности у греков (*апейрон*) и у Кантора (актуальная бесконечность) – это разные модусы одной проблемы, связанные с изменением горизонта мышления. Деррида же видит в математике не столько «историю», сколько структурную незавершенность: любая записанная формула содержит в себе возможность ошибочного прочтения, дополнения, переинтерпретации. Даже $2 + 2 = 4$ зависит от системы записи (арабские цифры, римские, двоичный код) и конвенций, которые никогда не бывают абсолютно прозрачными. В этом смысле Косилова признаёт изменчивость горизонта мышления, но относит ее только к жизни сознания, а не к жизни письма или жизни поколений. Тем самым она парадоксально сближает Паточку и Деррида от противного.

И Паточка, и Деррида обнаруживают разрыв (инаковость) в самом ядре математической очевидности. Паточка говорит о математике как о «движении свободы»: создавая новые теории, человек сталкивается с непредсказуемым, что ломает привычные категории (как в случае иррациональных чисел). Деррида показывает, что даже простейший математический знак содержит в себе Другого – он функционирует только потому, что может быть прочитан кем-то иным, в иное время, с иными предпосылками. Письмо числа «1» – это одновременно утверждение тождества и его невозможность, так как знак требует повторения, а значит, различия. Косилова невольно в своей философии сознания соединяет социальный оптимизм Паточки и неустранимую текстуальность Деррида, требуя понимать математику как текст о шуме, как единственный способ услышать физическое как шум. Тогда можно преодолеть кризис математики не как кризис интуиций, но как кризис поступков, которые и создают предпосылки действия здесь и сейчас.

Если Паточка видит в математике экзистенциальный проект – способ, которым человек, оставаясь в истории, касается идеального, то Деррида раскрывает ее как письмо, где любая очевидность рассеяна в сетке различий. Но оба мыслителя сходятся в главном: математика не является ни «чистым разумом», ни «объективной реальностью» – это поле напряжения, след человеческого усилия мыслить невозможное, усилие, которое всегда оставляет зазор между идеальностью и ее воплощением. Именно в этом зазоре – между паточковской свободой и дерридианским *différance* – рождается философское понимание математики как парадоксального единства строгости и нестабильности, открытого новым поступкам.

По отдельности ни Паточка, ни Деррида не обосновывают поступок как выводимый из математики, но вместе они создают идею нестабильного прочтения бытия, требующего поступков как стабилизации такого прочтения, как ответа сознанию чтением и ответственности чтения перед сознанием. Математическая точность тогда это не просто операциональная точность познания, но точность поступка, который и превращает математику из занятия в часть нашего жизненного мира здесь и сейчас. Это отличается и от пифагореизма (включая неоплатонизм Мейясу), где математика оказывается неким автоматом, самодействующим производителем истины, в духе Софии-Автомата Бибикина [13; 14], и от дегуманизации математики, утрачивающей физическую телесность.

Косилова предлагает вернуть математике не только телесность физики, но и телесность самой математики, в которой телом оказывается само созерцание как связанное с устройством нашего сознания, никогда до конца не свободного от тела. И это связано с проектом Косиловой по обоснованию интеллекта как специфицирующего эту первичную телесность созерцания, тонкое тело созерцания, в отличие от тонкого тела идей в платонизме. Тонкое тело созерцания и есть первичный поступок – готовность смело видеть мир как он есть. Жаль, что Косилова не ввела этот термин, но мы его вводим.

Обсуждение. В статье [8], в отличие от классических теорий интеллекта в аналитической традиции (например, Гарднера с его множественными интеллектами или традиционного IQ), автор вводит новый тип интеллекта, объединяющий экзистенциальный и феноменологический аспекты. Если Гарднер фокусируется на специализированных способностях (музыкальных, кинестетических и др.), то Косилова предлагает интеллект, отвечающий за ценностное мышление, мировоззрение и подлинность существования. Ее концепция экзистенциально-феноменологического интеллекта выходит за рамки даже экзистенциального интеллекта Гарднера, который рассматривает «большие вопросы» (смерть, смысл жизни), но не затрагивает повседневное ценностное сознание. Косилова здесь близка к критике объективизма Паточкой и к рефлексии над повседневным различием у Деррида.

В классической философии и психологии интеллект чаще всего связывается с логической истинностью (аналитическая традиция) или прагматической успешностью (прагматизм, теории эмоционального интеллекта). Косилова же предлагает оригинальный критерий – аутентичность (подлинность), заимствованный из экзистенциальной философии (Хайдеггер, Сартр), но примененный к когнитивным способностям вполне в духе философии поступка, которую образует соединение историзма Паточки и критики разрывов у Деррида, когда поступок и есть тот перворазрыв, который выводит нас к способности зафиксировать наше сознание как поступающее сознание, сам акт честного и ответственного мышления как поступок. Это новый взгляд, поскольку подлинность обычно рассматривалась как этическая или психологическая категория, а не как показатель интеллектуальной деятельности. Но Косилова, по сути, создает идею первичного поступка, преодолевающего шум в том числе экзистенциального осознания себя.

Косилова развивает идею феноменологического метода (Гуссерль) применительно к интеллекту, предлагая его как механизм объективного самоанализа, свободного от оценочных суждений, то есть, мы бы сказали, Софию-Автомат начального поступка честности. В мировой философии феноменология обычно использовалась для анализа сознания, но не как способ выделения поступающего интеллекта. Косилова же показывает, что такой интеллект необходим для понимания себя и мира, что сближает его с буддистскими практиками (в статье упоминается Варела) и психоанализом, но в новом, когнитивном ключе.

Далее, в статье [9] Косилова предлагает оригинальный взгляд на проблему темпоральности в контексте субъективности, мышления и познания, что имеет значимые импликации для философии математики. Основная научная новизна заключается в разработке концепции атемпорального квазипространства, в котором субъект конституирует смыслы, включая математические объекты и истины. Косилова противопоставляет имманентный временной поток, в котором субъект погружен, и трансцендентное квазипространство, где возможны понимание и мышление. В философии математики это позволяет переосмыслить природу математических истин: они не просто существуют в платоновском мире идей, но актуализируются через интеллектуальные акты субъекта, выходящего за пределы временного потока, то есть как раз через первопоступок. Первоступок смелости мыслить, ведь иначе мы ограничим интеллектуальные акты субъекта интеллектуальными актами частных субъектов.

Косилова подчеркивает, что логические законы и математические истины обладают вневременной нормативностью, что коррелирует с проблемой обоснования математики. В

отличие от эмпирических наук, математика оперирует объектами, которые «всегда таковы», а их понимание требует выхода из временного потока в область интерсубъективных смыслов, что уже подразумевает гуманитарный подход. Косилова обращается к теории А. Ф. Лосева, который трактовал восприятие мира через математические операции – дифференцирование (фиксация изменений) и интегрирование (синтез в устойчивые понятия). Это предполагает новую модель познания математических объектов: они возникают не как статичные сущности, а как результат динамического процесса осмысления, где временное становление преобразуется в атемпоральную структуру.

Косилова, как и Паточка и Деррида, исследует, как субъект преодолевает временной поток для конституирования структур (математических, логических, языковых). Но если Паточка и Деррида подчеркивают неустранимую временность самого акта мышления, то Косилова настаивает на возможности подлинного выхода в вечность. И этот выход возможен при соединении тезиса Паточки, что математические объекты конституируются через интенциональные акты, выходящие за рамки эмпирического времени, и тезиса Деррида о невозможности построения чистой математики, свободной от следов письма. Косилова, вслед за Лосевым, как и в статье о турецком роке [10], утверждает реальность атемпорального уровня опыта как условия понимания. Если понимается при этом не просто какая-то вещь, а, например, отношение математики и физики, чистоты и шума, то это подразумевает первопроступок смелого мышления, а не просто отдельные фиксируемые или постулируемые акты понимания.

Выводы. Критически переосмысляя позиции Мейясу, Паточки и Деррида, Косилова предлагает третий путь, избегающий крайностей объективизма и релятивизма. Ее подход демонстрирует, что математика остается областью свободы, где историчность и интерсубъективность не отменяют ее нормативности, а напротив, требуют ответственного участия сознания в конституировании смыслов. Таким образом, ее философия открывает новые перспективы не только для теории познания, но и для этики, показывая, что математическое мышление – это не просто технический навык, но и форма гуманитарного усилия, соединяющего разум, тело и поступок.

Список литературы

1. Бухарова А. А. Мышление трансцендентного в теологии и феноменологии Ж.-Л. Мариона // Философские науки. 2016. № 9. С. 103–117.
2. Гуссерль Э., Деррида Ж. Начало геометрии / пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. М.: Ад Маргинем, 1996. 272 с.
3. Клейн Л. С. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы. Кишинев, 1997. С. 47–66.
4. Косилова Е. В. Соотношение философии математики и физики у К. Мейясу // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2. С. 167–183.
5. Косилова Е. В. Философия для студентов математических специальностей : учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 207 с.
6. Косилова Е. В. Пифагореизм в современной философии математики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 4. С. 528–540.
7. Косилова Е. В. Борьба сомнения с созерцанием: к ситуации в современной философии математики // Логос. 2023. Т. 33, № 4. С. 49–70.
8. Косилова Е. В. Об экзистенциально-феноменологическом интеллекте // Философская антропология. 2024. Т. 10, № 1. С. 70–85.
9. Косилова Е. В. Вневременность субъекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 177–192.
10. Косилова Е. В. Феноменологический анализ музыкального смысла (на материале рок-музыки) // Horizon. Феноменологические исследования 2024. № 2. С. 571–586.
11. Марион Ж. Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2014. С. 63–99.
12. Марков А. В. Остенсивное и эмфатическое: Тынянов в канве Деррида // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7, № 4. С. 70–82. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-70-82. EDN: OOFTOE.
13. Павлов И. И. Не-возможность как амехания: феноменология смерти в работах Владимира Библихина // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2018. Т. 2, № 4. С. 51–89.
14. Погребняк А. Основные понятия метафизики В. В. Библихина (софия-странность-интерес) // Stasis. 2015. Т. 3, № 1. С. 212–247.
15. Седакова О. А. Притча и русский роман // Седакова О. А. Сочинения. Т. III. POETICA. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 363–375.

16. Сытина Ю. Н. О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. 2019. Т. 1, № 1. С. 128–147.
17. Сытина Ю. Н. «Дважды два – математика. Попробуйте возразить»: возражения Достоевского и русской классики // Достоевский и мировая культура : альманах. 2018. № 36. С. 47–55.
18. Якобсон Р. О. Нулевой знак // Якобсон Р. О. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С. 222–230.
19. Patočka Jan. The Natural World as a Philosophical Problem / transl. by Erika Abrams ; ed. by Ivan Chvatik and Lubica Učnik. Evanston, IL : Northwestern University Press, 2016. 240 p.
20. Patočka Jan. The Selected Writings of Jan Patočka / ed. by Erin Plunkett. London : Bloomsbury, 2022. 396 p.

The Mathematics of Action in Elena Kosilova's Philosophy

Markov Alexander Viktorovich¹, Shtayn Oksana Aleksandrovna²

¹Doctor of Philology, professor, Russian State University for the Humanities. Russia, Moscow.

ORCID: 0000-0001-6874-1073. SPIN-code: 2436-2520. E-mail: markovius@gmail.com

²PhD in Philosophy, associate professor, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0009-0004-1701-3147. SPIN-code: 1763-9290. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a study of the philosophy of mathematics of Elena Vladimirovna Kosilova (1966–2025) in the context of phenomenology, hermeneutics, and post-structuralism. The main aim of the work is to reveal the connection between mathematical cognition and the ethics of the act, showing how mathematical structures are constituted in consciousness while remaining rooted in the lifeworld and in historical practices. The authors set themselves the following tasks: to analyze critically Kosilova's position with regard to the new ontologies; to systematize her views on the processuality of consciousness, demonstrating how mathematics becomes a domain in which the ethical act overcomes formalism; and to show that, despite her critique of post-structuralism, Kosilova implicitly converges with its humanistic problematics. The research methods include a critical reading of Kosilova's philosophical texts in order to identify her arguments against the new ontologies; historical-philosophical analysis, which reveals the influence of Husserl, Patočka, and Derrida on her conception; and a metaphysical approach, which makes it possible to consider her ideas in the context of a dialogue between phenomenology, hermeneutics, and deconstruction. Kosilova offers an original philosophy of mathematics that combines a phenomenological analysis of consciousness with an Aristotelian ontology of form and matter, in which mathematics acts as form and the physical world as its embodiment, subject to "noise". Unlike extreme Platonism (Meillassoux) and constructivism, she regards mathematics as a dynamic structure arising in the dialogue between consciousness and the world, which requires an ethics of the act – a bold thinking that overcomes formal constraints. Despite her critique of post-structuralism, her ideas prove close to Patočka's hermeneutics (the historicity of mathematics) and Derrida's deconstruction (the problematization of self-evidence), particularly in her analysis of music as a model of the temporal constitution of meaning. Kosilova's key contribution is the conception designated by the authors of this article as the conception of the "subtle body of contemplation" – a primary act joining the corporeality of perception with intellectual intuition, which makes it possible to overcome the crisis of mathematics as a crisis of acts rather than merely of intuitions.

Keywords: phenomenology of mathematics, the act, consciousness, historicity, deconstruction, intuition.

References

1. Buharova A. A. *Myshlenie transcendentnogo v teologii i fenomenologii Zh.-L. Mariona* [Thinking the Transcendent in the Theology and Phenomenology of J.-L. Marion] // *Filosofskie nauki* – Russian Journal of Philosophical Sciences. 2016. No. 9. Pp. 103–117.
2. Gusserl' E., Derrida Zh. *Nachalo geometrii* [The Origin of Geometry] / transl. from French and German by M. Mayackij. M., Ad Marginem, 1996. 272 p.
3. Klejn L. S. *Proishozhdenie nulya, ili Drevnejshaya evolyuciya igry v kosti mezhdue Dunaem i Indom* [The Origin of Zero, or the Most Ancient Evolution of Dice Games Between the Danube and the Indus] // *Stratum: struktury i katastrofy* [Stratum: Structures and Catastrophes]. Kishinev, 1997. Pp. 47–66.
4. Kosilova E. V. *Sootnoshenie filosofii matematiki i fiziki u K. Meijyasu* [The Relationship Between the Philosophy of Mathematics and Physics in Q. Meillassoux] // *Idei i idealy* – Ideas and Ideals. 2020. Vol. 12, No. 2. Pp. 167–183.
5. Kosilova E. V. *Filosofiya dlya studentov matematicheskikh special'nostej : ucheb. posobie* [Philosophy for Students of Mathematical Specialties : A Textbook]. M., Izd-vo Mosk. un-ta (Moscow University Press), 2021. 207 p.
6. Kosilova E. V. *Pifagoreizm v sovremennoj filosofii matematiki* [Pythagoreanism in the Contemporary Philosophy of Mathematics] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* – Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2021. No. 4. Pp. 528–540.
7. Kosilova E. V. *Bor'ba somneniya s sozercaniem: k situacii v sovremennoj filosofii matematiki* [The Struggle of Doubt with Contemplation: On the Situation in the Contemporary Philosophy of Mathematics] // *Logos* – Logos. 2023. Vol. 33, No. 4. Pp. 49–70.

8. Kosilova E. V. *Ob ekzistencial'no-fenomenologicheskom intellekte* [On Existential-Phenomenological Intelligence] // *Filosofskaya antropologiya* – Philosophical Anthropology. 2024. Vol. 10, No. 1. Pp. 70–85.
9. Kosilova E. V. *Vnevremennost' sub'ekta* [The Timelessness of the Subject] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2024. No. 77. Pp. 177–192.
10. Kosilova E. V. *Fenomenologicheskij analiz muzykal'nogo smysla (na materiale rok-muzyki)* [A Phenomenological Analysis of Musical Meaning (Based on Rock Music)] // *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya* – Horizon. Studies in Phenomenology. 2024. No. 2. Pp. 571–586.
11. Marion Zh. L. *Nasyshchennyj fenomen* [The Saturated Phenomenon] // *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Francii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: The New Phenomenology in France and Beyond]. M., Akademicheskij proekt (Academic Project), 2014. Pp. 63–99.
12. Markov A. V. *Ostensivnoe i emfaticeskoe: Tynyanov v kanve Derrida* [The Ostensive and the Emphatic: Tynyanov in Derrida's Framework] // *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanij* – Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies. 2022. Vol. 7, No. 4. Pp. 70–82. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-70-82. EDN: OOFTOE.
13. Pavlov I. I. *Ne-vozmozhnost' kak amehaniya: fenomenologiya smerti v rabotah Vladimira Bibikhina* [Im-possibility as Amechania: The Phenomenology of Death in the Works of Vladimir Bibikhin] // *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2018. Vol. 2, No. 4. Pp. 51–89.
14. Pogrebnyak A. *Osnovnye ponyatiya metafiziki V. V. Bibikhina (sofiya-strannost'-interes)* [The Basic Concepts of V. V. Bibikhin's Metaphysics (Sophia–Strangeness–Interest)] // *Stasis* – Stasis. 2015. Vol. 3, No. 1. Pp. 212–247.
15. Sedakova O. A. *Pritcha i russkij roman* [The Parable and the Russian Novel] // *Sedakova O. A. Sochineniya. T. III. POETICA* [Sedakova O. A. Works. Vol. 3. POETICA]. M., Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2010. Pp. 363–375.
16. Sytina Yu. N. *O bytovanii formuly "2×2=4" v russkoj klassike i o ee vozmozhnykh istokah* [On the Currency of the Formula "2×2=4" in the Russian Classics and Its Possible Origins] // *Dva veka russkoj klassiki* – Two Centuries of the Russian Classics. 2019. Vol. 1, No. 1. Pp. 128–147.
17. Sytina Yu. N. *"Dvazhdy dva – matematika. Poprobujte vozrazit'": vozrazheniya Dostoevskogo i russkoj klassiki* ["Twice Two Is Mathematics. Just Try to Object": The Objections of Dostoevsky and the Russian Classics] // *Dostoevskij i mirovaya kul'tura: al'manah* – Dostoevsky and World Culture: An Almanac. 2018. No. 36. Pp. 47–55.
18. Jakobson R. O. *Nulevoj znak* [Jakobson R. The Zero Sign] // *Yakobson R. O. Izbrannye raboty* [Jakobson R. Selected Works]. M., Progress, 1985. Pp. 222–230.
19. Patočka J. *The Natural World as a Philosophical Problem* / transl. by E. Abrams ; ed. by I. Chvatík, Ľ. Učník. Evanston, IL : Northwestern University Press, 2016. 240 p.
20. Patočka J. *The Selected Writings of Jan Patočka* / ed. by E. Plunkett. London : Bloomsbury, 2022. 396 p.

Поступила в редакцию: 27.06.2025

Принята к публикации: 02.03.2026